

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 8 ноября 1881  
27 октябръ

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: **rédaetion du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.** Желających имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

## СОДЕРЖАНИЕ:

1) Государственный землі—фондъ для переселенія крестьянъ; мѣры противъ кулачества евреевъ-талмудистовъ; посылка крестьянамъ своего выборнаго въ совѣщаніе свѣдущихъ людей и его заявленіе о дарованіи народу воли заправлять общественными дѣлами; стремленіе къ общему обособленію. Антинародное стремленіе къ централизациі заграничныхъ группъ польскихъ социалистовъ. — 2) Верховная власть начинаетъ приходить въ сознаніе. — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, **ХІ, М. Драгоманова.** — 4) Подарки территорій, сдѣланные русскимъ правительствомъ иностраннымъ державамъ (окончаніе), **Бытало дипломата.** — 5) Воззваніе группъ польскихъ социалистовъ къ русскимъ. — 6) Письма о рабочемъ движеніи, **IX: Стачки рабочихъ во Франціи.** Усиленіе организационной дѣятельности въ средѣ пролетаріата подл. вліяніемъ этихъ стачекъ. Отношеніе къ нимъ «рабочей партіи». — 7) Извѣстія и замѣтки: Судъ за насиліе подл. видомъ вознагражденія за службу правительству. Боснійск. мусульманши о присоединеніи къ Австріи. Предварительная цензура въ Австріи. Дипляндия въ Болгаріи. Открытіе памятника рядовому Архиму Осипову. Краковскій процессъ и выдача эмигранта русскому правительству.

Женева, 8 ноября.

Особое совѣщаніе свѣдущихъ людей, созванныхъ для разсмотрѣнія вопросовъ объ упорядоченіи крестьянскихъ переселеній и ослабленіи пьянства въ народѣ, по первому изъ означенныхъ вопросовъ постановило въ заключеніе, что „казенныя земли должны быть признаны неприкосновенными и неотчуждаемыми, съ назначеніемъ служить фондомъ для переселенія крестьянъ“. Это важное постановленіе, въ которомъ нельзя не видѣть отраженія народныхъ взглядовъ, составляетъ цѣлую эпоху въ русской государственной-экономической жизни. Отнынѣ положенъ предѣлъ хищничеству орды чиншниковъ, царскихъ любимцевъ и прислужниковъ, разныхъ наперстниковъ и наперстницъ вплоть до генералъ-губернаторскихъ гувернантокъ, еще такъ недавно растаскивавшихъ неотчуждаемое народное достояніе — земельный государственный фондъ. Правительство уже не можетъ вернуться къ „старому доброму времени“ Пе-

тровъ, Екатерины и Валуевыхъ, не возбуждѣвъ противъ себя всенароднаго негодованія, не выставивъ себя на позоръ передъ общественнымъ мнѣніемъ всего цивилизованнаго міра.

По второму вопросу, благодаря энергическимъ рѣчамъ Галагана, Гордѣенко, Рачинскаго и др., преимущественно уроженцевъ южной Россіи (не имѣемъ права сказать представителей южнорусскаго населенія), совѣщаніе свѣдущихъ людей опредѣлило большинствомъ голосовъ:

„Безусловно устранить евреевъ-талмудистовъ отъ питетной торговли оптомъ и раздробительно въ селеніяхъ, городахъ и мѣстечкахъ“.

Сами евреи талмудисты тому виновны. По справедливому замѣчанію Гордѣенко, еврейское кулачество отличается отъ русскаго кулачества тѣмъ, что послѣднее ослабляется извѣстными связями съ населеніемъ, „еврейское же кулачество является врожденнымъ, потомственнымъ и національнымъ“, а по словамъ Галагана, „еврей, держащій шиннокъ, имѣетъ цѣлью не продажу вина, а эксплуатацію цѣлой мѣстности“, факты же показываютъ, что „населеніе южныхъ губерній изнемогаетъ подл. еврейскимъ игомъ“ и что „все мѣры, принимавшіяся противъ еврейской эксплуатаціи, остаются безслѣдными“.

И въ этомъ почти единогласно одобренномъ средствѣ противодѣйствія эксплуатаціи народныхъ массъ приняло средою хищниковъ нельзя не видѣть рѣшенія согласнаго съ волею народа и рекомендованнаго еще прежде правительству нѣкоторыми земствами южнорусскихъ губерній.

Что бы ни говорили Аксаковы и имъ подобные народолюбцы, отрицающіе право народа управляться по своему усмотрѣнію и между строкъ совѣтующіе выборнымъ представителямъ не исполнять данныхъ

имъ полномочій\*), по примѣру нынѣ пропихивающаго совѣщанія свѣдущихъ людей показывать, что даже и не выборные земскіе люди, коль скоро имъ предоставляють свободу мнѣнія, не дерзають высказываться вопреки справедливому чувству народнаго негодованія и несогласно съ понятіями, установившимися въ сознаніи массъ.

Замѣчательна также та отзывчивость, съ которою встрѣчено народомъ разныхъ мѣстностей Россіи дѣло непосредственно затрогивающее бытовую народную жизнь. Говорятъ, что редакція „Сельскаго Вѣстника“ — этого, къ сожалѣнію, правительственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственнаго органа печати, который имѣетъ коекакой доступъ въ народную среду, — завалена *крестьянскими* письмами по питетному дѣлу. Населеніе же одной волости Сычевскаго уѣзда пошло еще далѣе. Не дожидаясь никакихъ правительственныхъ предложеній подать свое мнѣніе, оно, къ стыду нашихъ нынѣшнихъ правителей, повидному недогадывающихся объ некомпетентности народа міромъ разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, избрало изъ своей среды довѣреннаго человека (крестьянина Сорокина) и послало его въ Петербургъ заявить совѣщанію свѣдущихъ людей свой взглядъ на дѣло. Этотъ довѣренный человекъ не затѣйливый, но поучительно образнымъ словомъ выяснилъ избранному правительствомъ совѣщанію свѣдущихъ людей, что крестьянинъ далеко неравнодушенъ къ дѣламъ внутренняго управленія и самъ можетъ смотрѣть за своимъ и казеннымъ дѣломъ и будетъ смотрѣть охотно, коль скоро получитъ на то волю. Очевидно, слѣдовательно, что крестьянинъ въ Россіи не чуждается болѣе во-

\*) См. нашу передовую статью въ № 12 „Вольнаго Слова“.

просовъ обще-государственнаго значенія, не отвѣтитъ на постановку ихъ передъ нимъ стереотипнымъ „моја хата з краю“ и вообще не представляетъ собою типа „государственности“, какъ желаютъ въ томъ увѣрить правительство московскіе пророки и какъ докладываютъ о томъ верховной власти, не вѣря ни московскимъ пророкамъ, ни собственнымъ своимъ словамъ, Игнатевы и Ко....

Возвращаясь къ результатамъ совѣщанія свѣдущихъ людей, мы не можемъ не замѣтить и не подчеркнуть того обстоятельства, что совѣщаніе имѣло возможнымъ установить лишь общія начала предложенныхъ на его обсужденіе мѣръ, но признало себя некомпетентнымъ въ разрѣшеніи подробностей дѣла и въ его практическомъ примѣненіи, указавъ при этомъ, на единственно компетентный органъ, по его мнѣнію, — на *мѣстныя* земства. Другими словами, оно не признало возможнымъ распоряжаться изъ какого нибудь общаго центра сложнымъ дѣломъ распределения, въ необходимомъ для сколько нибудь сноснаго существованія крестьянской семьи количествѣ, земельной собственности между земледѣльческими группами, руководить изъ этого центра вызываемымъ весьма разнообразными причинами выселеніемъ крестьянъ и устройствомъ земледѣльческихъ поселковъ на новыхъ мѣстахъ. Тоже и по питейному вопросу. Здравый смыслъ подсказалъ этимъ случайно сошедшимся на совѣтъ людямъ, что никакое центральное управленіе народнымъ дѣломъ немислимо въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ почвенныя, климатическія и экономически-бытovyя условія, не смотря на видимое единообразіе равниннаго характера всей земли до Урала и Кавказскаго хребта, не могутъ быть подведены подъ одну общую мѣрку и уложены въ уставы подъ названіемъ „переселенческаго“ или „интейнаго“. Само собою разумѣется, что и земства въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, раздѣленные на произвольно очерченные круги по губерніямъ, не представляютъ собою группировки, соответствующей разнообразію упомянутыхъ условій. Нужна группировка болѣе близкая къ природѣ страны и ея населенія, группировка по областямъ, что рано или поздно, но неизбежно должно привести къ федеративному устройству русскаго земства, также точно какъ и всего нынѣшняго государства Россійскаго.

Въ то время когда въ самой Россіи практика дѣла указываетъ на несостоя-

тельность централистической системы управленія государствомъ и организаціи общественныхъ силъ, какъ для работы въ предѣлахъ законности, такъ и для борьбы за народную свободу, — въ эмиграціонныхъ кружкахъ за границею обнаруживаются стремленія прямо противоположныя. Какъ примѣръ оторванности отъ истинно народной почвы нѣкоторыхъ нашихъ революціонныхъ дѣятелей, печатаемъ ниже вышедшую 3 ноября въ Женевѣ прокламацію группы бывшихъ членовъ „Równość“ и редакціи социалистическаго журнала „Przedświ“ „Къ товарищамъ русскимъ социалистамъ“.

Верховная власть начинаетъ приходить въ сознаніе. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано, что совѣщаніе, учрежденное для высылки административнымъ порядкомъ, имѣло, что извѣстные лица, подвергнувшись этой административной карѣ до изданія новыхъ правилъ, заслуживаютъ (!) возвращенія на мѣста, но такъ какъ подобное распоряженіе превзошло бы власть совѣщанія, то послѣднее имѣло необходимымъ ходатайствовать объ этомъ передъ императоромъ. На означенное ходатайство императоромъ изъяснено согласіе. Совѣтуемъ совѣщанію немедленно привести въ исполненіе данное ему полномочіе. Но было бы еще целесообразнѣе съ его стороны просить о собственномъ своемъ упраздненіи на вѣчныя времена и о немедленномъ возвращеніи на мѣсто всѣхъ безъ исключенія административно-сылныхъ, какъ людей и въ чемъ виновныхъ, ибо пресловутая виновность ихъ ни передъ какимъ судомъ не подтверждена и слѣдовательно существуетъ лишь въ воображеніи администраціи. Возвращеніе полной свободы такимъ лицамъ было бы не милостію, чѣмъ не всякій пожелаетъ воспользоваться, а актомъ справедливости, чего всякій въ правѣ требовать и что обязательно выполнить всякому правительству, не желающему вызывать противъ себя ненависть и всевозможныя насилія, какъ естественный отвѣтъ и противодѣйствіе произволу.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

### ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

#### XI.

Въ статьѣ „Революція и принципъ національности“ „Набатъ“ говоритъ между прочимъ: „Въ каждой странѣ, или лучше въ каждомъ *государствѣ*, какъ бы ни былъ разнообразенъ его національный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ національныя, племенные особенности почти совершенно изгладилась и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общеруссами, общеслѣдующими, общепольскими, общепольскими, общепольскими, общепольскими и т. п. Классъ этотъ слагается по

первыхъ изъ такъ называемаго „служилого сословія“: изъ бюрократіи, закрѣпощенной государствомъ, утратившей, подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои національныя особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его интересами; во вторыхъ — изъ интеллигенціи. Наука, какъ извѣстно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее вліяніе, какъ и государство на бюрократію.... Помимо государства съ его бюрократическою централизациею и науки съ ея космополитизирующимъ вліяніемъ, — устраненію національныхъ особенностей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ *общенациональный*, общечеловѣческій типъ, — въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономическій, торгово-промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенациональныя условія труда, — развивая въ ней одинаковыя привычки, окружая ее одинаковою обстановкою, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только *национальныя*, но даже и чисто *индивидуальныя* различія рабочихъ. Типъ *фабричнаго*, типъ *пролетарія* имѣетъ на столько же общенациональный характеръ, какъ и типъ „интеллигентнаго челоука“.

„Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ главнѣйшіе факторы буржуазнаго прогресса, — государство, наука, торговля, промышленность, — имѣютъ одну и ту же *общую тенденцію*: всѣ они въ большей или меньшей степени, стремятся сгладить національныя особенности, когда то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смѣшать послѣднихъ въ одну общую, однородную и однородную массу, подвести ихъ подъ одинъ общій знаменатель, вылить ихъ въ одинъ общенациональный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни ненавидѣли буржуазный прогрессъ, по эту тенденцію его мы должны признать — съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интересовъ — въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенные и національныя перегородки, подготовляетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей *братства и равенства*. (Набатъ, 1878, книга, 75—77) \*).

\*) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ нѣкихъ изъ русскихъ социалистовъ, которые будучи на дѣлѣ обрусителями, въ тоже время не любятъ, когда къ ихъ практикѣ подбрасываютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что „Набатъ“ не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и социалистовъ, изъ которыхъ нѣсколько, довольно извѣстныхъ лицъ, даже нарочно отреклись отъ него въ протестъ, напечатанномъ въ „Общинѣ“. Дѣйствительно, собственно набатскій кружокъ, вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и социалистовъ, и съ практической стороны, „Набатъ“ не имѣетъ никакого значенія въ „русскомъ революціонномъ движеніи“, — въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничныя корреспонденты и русскіе прокуроры. Но тѣмъ не менѣе „Набатъ“ высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенныя въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр. теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ,

Весьма похожее на то, что сказано особенно в началѣ вышеприведенной выпечки — и даже терминъ — *обще-національный*, какъ противоположность племенному, народному, — при чемъ терминъ „общенаціональный“ понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ напр. общевеликорусскій сравнительно съ повгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффициальное національностью, которая должна покрыть все самыя разнонаціональныя населенія, — мы читали десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Интересно, что почти тоже недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы времени Великой Революціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ провинціальныхъ самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго), которымъ они противопоставляли языкъ французскій, какъ *національный* (о последнемъ см. напр. статью «La Convention et les idiomes locaux» въ *Mélange de linguistique et d'anthropologie* par Ab. Hovelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ ввиду такихъ соображеній, слова „Набата“ и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата“ бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ съ к. XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI—XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, „Набатъ“ не называетъ напр. ни обще-австрійцевъ,

ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности, — а только государства военно-бюрократическія, централизованныя, — исключая Сѣв. Ам. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, пріѣзжающими въ среду націй англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всехъ націй, а только покоренныхъ и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи напр. „общепарузы“ состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ француженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, — и ихъ точнѣе всего слѣдовало бы называть просто французами, какъ всехъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ — просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна, — и не можетъ образоваться прочный государственно-національный типъ. Такова напр. Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій, — и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ „Набата“, — ви. обще-австрійцевъ, — обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся чтобы и эта лѣпка привела къ какому нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату, — но во всякомъ случаѣ вотъ уже вѣтъ „страна, или лучше государство“, въ которомъ „общенаціонального“ типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпіонами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національного типа въ Швейцаріи, какъ въ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ господствующей національности, — а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою сознаниемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознании и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-национальность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ“. Она подходит къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ“ ставитъ, какъ синонимъ своей „общенаціональности“. Такую обще-человѣчность порождаетъ напр. вліяніе науки, которую „Набатъ“ тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющимъ общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою. Наука, — какъ и свобода, — федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны, — и возводитъ націю до челоуѣчества, — а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одинъ національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вліянія государства на національности, черезъ

подавленіе національностей негосударственныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированіе у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно-бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой прилиженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не челоуѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вліянія привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; — такова напр. Пруссія, — которая сложилась черезъ насильственную германизацию славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссакъ отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всехъ нѣмецкихъ особенностей и противны именно, какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ“ типу великорусскаго или овеликорусскаго (по „Набату“ общенаціональнаго) *фабричнаго* передъ типомъ напр. украинскаго поселенина или казака, котораго нѣкоторыя черты такъ симпатично набросалъ напр. Чернышевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Также слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти все наименѣе симпатическія черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всехъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству \*).

Что же касается до пользы для челоуѣчества стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ социалистическій идеалъ не въ видѣ арачьевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло, (или *интегрально* развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе социалсты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набата“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальных, — и за тѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно-бюрократическихъ государствъ на

когда, хоть въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, все таки проповѣдовалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктрины, социаль-демократы и анархисты считали возможнымъ цѣлкомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились известной политической свободы. — Надо также прибавить, что статья «Набата», изъ которой мы сдѣлали выписку, написана противъ брошюры «Записки южнорусскаго социалиста», въ которой между прочимъ употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости «націонализированія социализма», хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ социализма, кторія, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи, ихъ пріемахъ пропаганды, и ея организаціи, — которые, неизбѣжно, должны быть локализованны, и слѣдовательно и націонализированы. (См. объ этомъ въ IV томѣ, «Громылы», «Впередъ и націонализированіе социализма». «Мы и «Набатъ»). А самъ «Набатъ» долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на «націонализированіе средствъ» социально-революціонной дѣятельности, — только идеи объ этой націонализациі заглазились у него сѣмениемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствахъ.

\*) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денационализация напр. украинскіхъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всехъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книгѣ «Нові українські пісні про громадські справи»; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго міщанина, казака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно въ дѣствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ создавшагося ему обрусѣнія образованныхъ классовъ, удаленнаго ихъ отъ простоародья. «Космополитизирующее вліяніе науки» тутъ ни при чемъ! — Прибавимъ еще замѣчаніе — впрочемъ, не наставляя на его точности, — что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорусскими украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

стирание национальностей, — т. е. собственно национальностей негосударственных.

Впрочем самъ „Набатъ“ проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающийся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ *все* національности, а не одни только побѣжденные. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ заявленіе, что для него нѣтъ „ни эллина, ни іудея“, — а явно склоняется на сторону национальностей господствующихъ, при чемъ поляковъ поставлѣетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противобѣи съ ученіемъ о необходимости образованія напр. „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ такомъ порядкѣ: „якуты, чувашы, малоруссы“ съ одной стороны, — и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы“ съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно“ вытѣпливать „общенациональный“ типъ, — „Набатъ“ называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей“, но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распределеніе и забвеніе нелогично, — но оно будетъ вполнѣ логично, если стать въ одно время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ“. Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата“ вполнѣ подходит къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи, имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи; — какъ же не признать за ними права вытѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой „общенациональный“ типъ, — своихъ „общепольковъ“?

Такимъ образомъ мы съ „Набатомъ“, ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому социализму, прѣехали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ“ вполнѣ сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но специально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ, потому что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ совѣтъ не космополитическо-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“, и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ, — „Набатъ“ замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій“, — при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что

гнететъ русиновъ въ Галиціи „народъ польскій“. (Наб., 1877, № 3—6).

Такимъ образомъ, если только „Набатъ“ представляетъ хоть какія нибудь фракціи великорусской демократіи, напр. что нибудь въ родѣ „якобинцевъ или бланкистовъ“ („Набатъ“ прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ“ органомъ), — то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составятъ самую лѣвую сторону всеобруствольной катковщины, — (въ родѣ напр. многихъ демократовъ-германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи) или при первомъ случаѣ, (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ тѣперешнее время въ Россіи) присоединятся къ польскимъ историческимъ патриотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбежно, и къ коалиціи правыхъ и лѣвыхъ партій среди этихъ патриотовъ. Последнее наиболѣе вѣроятно, — и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполнѣ ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины.

Извѣстно, что „Набатъ“ представляетъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впередъ“. Но по вопросу негосударственныхъ национальностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы впрочемъ должны остановиться на „Впередѣ“ подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

„Впередъ“ начинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—73 гг., среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули, съ т. наз. бакунистами, или ан-архистами, — и уже поэтому въ немъ должны были найтись себѣ мѣсто мысли, которые составляютъ родъ уступки со стороны великорусскихъ социалъдемократовъ этимъ бакунистамъ, какъ напр. признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всеми этими уступками въ „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея, — на манеръ идеи нѣмецкихъ социалъ-демократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи социалистическаго движенія въ Россіи „Впередъ“ сталъ не только на федерально-народную основу, сколько на государственно-национальную.

„Впередъ“, конечно, признаетъ необходимость мѣстныхъ и слѣдовательно национальных приспособленій въ работѣ для осуществленія интернациональных стремленій социализма. Въ программѣ „Впередъ“ читаемъ: „приходится дѣйствовать въ *данной* мѣстности, на общество, говорящее *даннымъ* языкомъ“, — по этому и „национальности представляютъ совершенно реальную и неизбежную почву для cadaго общественнаго процесса“. Но когда пришлось опредѣлить, ка-

кова же именно та *данная* почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередъ“, — у послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „Россіи“ какъ о своемъ „отечествѣ“, въ другой о „русскомъ народѣ“, какъ о своемъ народѣ, — а потомъ когда „Впередъ“ говоритъ о „спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ“ и „русскихъ интересахъ“, то совѣтъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ *всѣхъ данныхъ* национальностей Россіи, — какъ государства, которое не совѣтъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію прилагательное *россійскій* рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ) или же цѣли и интересы дѣйствительнаго „рускаго народа“. Не менѣе темны остаются и представленія „Впередъ“ объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно — о языкѣ) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣній. По первому, народъ этотъ — единообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такіе, какъ великобѣло- и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великорусское считается за представителя *всѣхъ* остальныхъ. По второму, „русскій народъ“ есть только отвлеченіе, — въ дѣйствительности представляемое двумя „русскими народностями“, великобѣлорусскою и украинскою, — или великорусскою и украинско-бѣлорусскою, — или же тремя народностями. Третье мнѣніе, — какъ среднее между предыдущими, признаетъ дѣй или три крупныя разновидности рускаго народа и цѣлѣнное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполнѣ самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напр. г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ — публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ годовъ примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти все ученые филологи и этнографы въ Россіи и за границей. \*) Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. Н. Аксакъ еще въ „Днѣ“ 1862—64 г. (теперь онъ пристраиваетъ вполнѣ къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, — литературная и политико-соціал. Понятно по этому, что и партія социалистическая, которая признала необходимость опираться на *данныя* національности, съ ихъ *данными* языками, — должна была

\*) Такимъ образомъ выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи рускаго народа учатъ въ книгахъ и съ кафедръ, а единообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными неутѣхами и софистами, и руководствуется ихъ голосами въ тѣхъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ напр. народное образованіе. Что если бы подобнымъ же образомъ выражалось правительство совѣтниковъ напр. по вопросамъ объ архитектурѣ. То бы костей поломали! А мозги все стерпѣли!

начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, — какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунины напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо пачалъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и за тѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, — а приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, — и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакция „Впередъ“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; — при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украйны; при старо-аксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, — для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, — а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, — въ родѣ того, какъ это недавно предположила было дѣлать редакция „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки.“\*)

Къ сожалѣнію, „Впередъ“, въ противуположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предполагилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частности же, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово „русскій“ — синонимъ слова „великорусскій“. Такъ напр. въ статьѣ „Счеты русскаго народа съ династіей Романовыхъ“ читаемъ: „Тому дѣсти шестьдесятъ лѣтъ *русскій народъ* общими усилиями освободилъ Москву... и земскій соборъ *русской* земли избралъ перваго Романова въ *московскіе* цари. Съ тѣхъ поръ (1613) начались счеты между домомъ Романовыхъ и русскимъ народомъ.“ Всякій знаетъ, что въ „общемъ усилии“ 1613 г. участвовали только великорусы, — а украинцы и бѣлорусы были тутъ ни при чемъ, (или были скорѣе противъ Романова, въ войскахъ польскаго короля), — почему историки-федералисты, говоря о событіяхъ того времени, употребляли такія выраженія, какъ „*Великорусскія* области и смутное время“, (Щаповъ) или „Смутное время въ *Московскомъ* государствѣ“ (Костомаровъ). Счеты украинцевъ и бѣлорусовъ съ домомъ Романовыхъ начались нѣсколько позже, — а именно съ

козацкихъ договоровъ на Украйнѣ и съ городскихъ въ Бѣлорусіи въ 1654 г. Но объ этихъ договорахъ, — гораздо болѣе определенныхъ, чѣмъ сомнительная записка, взятая будтобы съ перваго Романова великорусскимъ земскимъ соборомъ, и вообще о счетахъ украинцевъ и бѣлорусовъ съ Романовыми „Впередъ“ не упомянулъ вовсе, — хотя въ той же статьѣ говорится о преступленіяхъ Романовыхъ противъ Польши, а также о томъ, что галичане, сербы, чехи и пр. славяне „не могутъ вѣрить Романовымъ, обманувшимъ русскій народъ“. Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ“ прикоснулся къ этимъ счетамъ, въ словахъ: „не гнало ли правительство школы на югъ *Россіи*, подъ предлогомъ сепаратизма, — въ букварахъ?“ Но мѣсто это двойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за югъ *Россіи*? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе, — родственное тѣмъ, которыя придумываетъ русское правительство, или подцензурная печать для названія областей съ особымъ отъ великорусскаго населеніемъ, — какое нибудь этнографическое понятіе, или пѣть? А во вторыхъ, — если выписанное выраженіе относится къ Украйнѣ, а не напр. къ Самарской губерніи, — то на Украйнѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрываетъ школы подъ предлогомъ сепаратизма въ букварахъ“, — (закрывало оно школы и въ Петербургѣ, „подъ предлогомъ“ того, что въ нихъ читали „Молодую Россію“) а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскіхъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 г.“ окончательно изгнало изъ школъ на Украйнѣ, какъ и въ Бѣлорусіи, ипой языкъ, кромѣ „русскаго“, великорусскаго. Вотъ повеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ социалистовъ“ о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, — тогда и предписанное Положеніемъ 1864 г. единообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“, — великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорусскаго. „Впередъ“ ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства Романовыхъ къ поддержанію, — или, лучше, къ установленію единообразія „русскаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству“ же Россіи „Впередъ“ относится симпатично, говоря, что „избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство *Россіи*“ и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за это единство“, — которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизациі, — подъ династіями рюриковской, и романовско-голыштинской, изъ которыхъ послѣдняя такъ не правится „Впереду“.

Полагаетъ, выписанныхъ мѣстъ доста-

точно, чтобы показать, что „Впередъ“ принимаетъ слово „русскій“ народъ за синонимъ „великорусскаго“, а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ употребляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которые не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ тоже время признаютъ бѣлорусовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что „Впередъ“ понимаетъ слово „русскій“ и „Россія, наше отечество“ въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, — по этому мы выпишемъ изъ „Впередъ“ довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели наши могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обуславливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ, — говоритъ „Впередъ“, — мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ бесмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая скрываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безправственыя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ и только имъ удастся возстановить независимость ихъ родины... Мы вполне увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи... хотѣли бы выѣзжать съ нами... чтобы наше „Впередъ“ сдѣлалось программною славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человечества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополіи!“

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, по видимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлопковъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предъ-

\*) Къ стати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи напр. на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интеллигенціи“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ: для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и непрактично.



идушей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или социальному центру она потянетъ. При дальѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго.

Такимъ образомъ для редакціи „Впередѣ“ во первыхъ „Россія“, за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть „національность“, а во вторыхъ, для провинцій такъ сказать сомнительныхъ она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ то социальныхъ (экономическихъ??) „центровъ“, — или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается съ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такаго община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи, — то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впередѣ“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ „Впередѣ“ ни одного слова. Этими общинамъ не полагается третяго рѣшенія, напр. въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предполагаемыхъ редакціей „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины: — великорусскую и польскую!

Послѣ всего сказаннаго выше мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ, — и потому мы бы и совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впередѣ“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ социальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „социальная партія Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови.“ Знакомые съ дѣломъ читатели усомнятся, конечно, смѣшеніе понятій о государствахъ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе социальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической, — (такъ какъ границы Польши народной, этнографической извѣстны и теперь безъ спроса общинъ), — то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно никакой социальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно въ области галицкой социальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются

отъ народа подольской и волынской губерній, который „Впередѣ“ предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или нѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и русійскіе подольне составляють часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть социальная партія „галицкая“ въ Австріи, — то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Впередѣ“ говоритъ о русійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и социальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины“ въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы“ стоятъ въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или, быть можетъ, романовскіе „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впередѣ“ нѣсколько далѣе, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ, — разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціаціи) съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданного огоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и русскимъ интересамъ (?)“ всѣ частныя и мѣстные вопросы (?), лежащіе внѣ этой области? \*).

Можетъ быть, романовскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, — но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впередѣ“, интересы ихъ вполне помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему, выписанному изъ „Впередѣ“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно по этому, что „Впередѣ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ социалстовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды социалистическихъ учений среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякаго попользованія и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакуинскому, что истинная Польша — есть только страна, въ которой чернорабочія массы — поляки, — т. е. *Польша этнографическая*, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ былъ скользя въ сторону

\*) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ „Впередѣ“ ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени „русской революціонной партіи“: „Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латвіи, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго“.

«Хотимъ братскаго и, если возможно, федеральнаго союза съ Польшою, Литвою, Україною, Прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередѣ“ не надѣлалъ большихъ бѣдъ, ни полякамъ, ни социалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ и потому единомышленники „Впередѣ“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Таковы напр. были въ особенности рѣчи г. П. Лаврова на банкетахъ даваемыхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 3 и 24.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## ПОДАРКИ ТЕРРИТОРИИ

сдѣланные нашими правителями иностраннымъ державамъ.

(Письмо къ редактору).

(Окончаніе)

Правленіе императора Николая, казалось, было особенно посвящено поддержанію и увеличенію внѣшняго могущества Россіи; оно было ознаменовано не только военными, но и дипломатическими успѣхами, и русская дипломатія достигла въ эту эпоху апогея своей славы. Обращаясь, однако, къ специальному предмету этого изслѣдованія, территориальнымъ уступкамъ, нельзя не замѣтить, что онѣ были также значительны и также трудно объяснимы, какъ и въ предъидущія эпохи. 27 декабря 1825 г. ст. ст. была ратификована, заключенная еще при Александрѣ I, конвенція о разграниченіи русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ съ англійскими, въ февралѣ же 1826 г. была заключена такая же съ Соединенными Штатами. Обѣ эти конвенціи почти неизвѣстны въ Россіи, а между тѣмъ онѣ весьма замѣчательны: „разграниченіе“ (délimitation) съ Англіей состояло въ перенесеніи русской границы отъ Скалистыхъ горъ, по хребту которыхъ она проходила, на западъ до 142 градуса западной долготы (считая отъ меридіана проходящаго черезъ Гриничъ) оставляя между 142 и 130 градусами только узкую полосу берега и нѣкоторые острова; сѣверную часть приобрѣтенной страны, англійское правительство отдало Годсонбейской компаніи, изъ южной же образовало территорію British Columbia. Разграниченіе съ Соединенными Штатами было просто отказомъ отъ юго-восточной части русскихъ владѣній, составившихъ въ послѣдствіи Штатъ Орегонъ и территорію Вашингтонъ. Уступленія страны были важны не только по ихъ неизбѣримому пространству, но и по изобилію пушнаго звѣря; съ этой поры возникаетъ англійская и американская мѣховая торговля, которая въ послѣдствіи вытѣсняетъ отовсюду русскую и отнимаетъ у насъ одинъ изъ значительныхъ предметовъ вывоза.

Но территоріи эти были открыты, завоеваны и отчасти заселены, не русскимъ го-

сударствомъ, а Россійско-американской компаніей и были ея лучшими и доходнѣйшими владѣніями, лишившись которыхъ, она не могла болѣе держаться на высокой степени процвѣтанія ея достигнутой, и медленно стала клониться къ упадку. По англійскимъ источникамъ видно, что наша компанія до тѣхъ поръ успѣшно соперничала съ Годсонбейской, а въ началѣ XIX вѣка стала заводить факторіи на островахъ Тихаго океана.

Адрианопольскій миръ 1829 г. былъ столько же почетнымъ, сколько была славная война ему предшествовавшая; западныя державы еще не присвоили тогда себѣ права измѣнять, къ нашей невыгодѣ, заключаемые нами трактаты. Я не могу однако не упомянуть, что полная уплата военныхъ издержекъ, которая должна была вознаграждать насъ за чрезвычайно умѣренное пользованіе правами побѣдителя, была *всѣмъ подарена* Портѣ нашимъ великодушнымъ правительствомъ, — фактъ, который, хотѣлось бы надѣяться, не послужитъ прецедентомъ для еще не уплаченной Портой контрибуціи за послѣднюю войну.

Въ 1840—41 гг., главною цѣлью нашей политики было раскорить Францію и Англію; дипломатія наша превзошла себя и достигла желаемого, но на долго ли и какою цѣною? Лондонскимъ трактатомъ Россія отказалась отъ права на проходъ судовъ нашихъ черезъ Дарданеллы, дарованнаго ей договоромъ въ Ункіаръ-Искелели 1833 г., а конвенціей 1841 г. были въ первый разъ признаны „германскіе интересы“ на Нижнемъ Дунаѣ и право Австріи и Пруссіи участвовать въ регламентахъ о навигаціи по всему теченію этой рѣки.

Въ 1841 г., по высшему распоряженію, руссійско-американская компанія упраздняетъ свою факторію Россъ въ Калифорніи, въ 1845 г. тамъ открываются первые золотые прииски, а 1847 г. Соединенные Штаты предпринимаютъ войну противъ Мексиканской республики и завладѣваютъ Калифорніей; золотыя руды открываются въ такомъ изобиліи, что цѣнность золота понижается въ цѣломъ мірѣ, а наши уральскіе прииски, самыя значительныя до тѣхъ поръ, теряютъ свою важность.

Въ 1844 г., по нашей собственной инициативѣ, начинаются переговоры съ стокагольмскимъ кабинетомъ объ „исправленіи границъ“ на сѣверѣ Финляндіи; результатомъ переговоровъ было пріобрѣтеніе нами части лапландской тундры и уступка Норвегій Варангеръ-Фіорда, залива сѣвернаго океана, въ которомъ, подъ вліяніемъ теплаго теченія Гольфстрема, вода не замерзаетъ большую часть года; эта трансакція, причина которой совершенно непонятна, доставила Норвежцамъ возможность начинать ловлю китовъ и моржей въ нашихъ водахъ, прежде чѣмъ таліе льда въ бѣломъ морѣ открываютъ нашимъ рыбопромышленникамъ выходъ въ море. Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда упадокъ промысловъ и благосостоянія на бѣломорскомъ побережьи заставилъ насъ открыть глаза на совершенную ошибку, наше правитель-

ство попыталось обратнымъ обмѣномъ восстановить прежнее положеніе: оно встрѣтило вѣжливыя, но положительный отказъ шведско-норвежскаго правительства, указавшаго на невозможность получить на такой обмѣнъ согласіе палатъ королевства.

Въ 1847 г. „изъ уваженія къ вѣрности вѣнскаго кабинета консервативнымъ принципамъ“, русское правительство рѣшило присоединить къ Австріи вольный городъ Краковъ, состоявшій подъ общими покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Уже съ 1850 г. австрійцы начали строить укрѣпленія Кракова, сдѣлавшагося нынѣ главною австрійскою крѣпостью на русской границѣ.

Въ 1849 г. была передана Австріи коренная нашими войсками Венгрія; увеличеніе нашего государственнаго долга и „благодарность Австріи“ и понятныя чувства Венгерцевъ были единственными пріобрѣтеніями этой кампаніи.

Она была впрочемъ только звономъ въ тридцатилѣтнемъ служеніи консервативнымъ интересамъ въ Европѣ, о которомъ можно смѣло сказать, съ русской точки зрѣнія, что оно было совершенно безкорыстнымъ: послѣдствіемъ его было соединеніе противъ Россіи, какъ либеральныхъ, такъ и консервативныхъ партій и правительствъ во время крымской войны.

Парижскій миръ 1856 г., стоилъ намъ тяжкихъ уступокъ, которыя, впрочемъ, были исполнѣны необходимыми; при данномъ положеніи вещей въ этотъ разъ наша дипломатія оказалась не менѣе стойкою, нежели нашей войско.

Гораздо рѣже были утраты, чаще и замѣчательнѣе были увеличенія государственной территоріи въ царствованіе Александра II-го. Я не могу, однако, обойти молчаніемъ „продажи“ Соединеннымъ Штатамъ остальной части русской Америки. Правда, что р.-а.-я компанія не могла оправиться отъ ударовъ ея напесенныхъ трактатами 1825—26 г.; потерявъ большую и лучшую часть своихъ владѣній, лишенная права заводить факторіи на островахъ Тихаго океана и стѣсненная во всякомъ начинаніи чиповической регламентаціей, компанія не могла долго влечить свое жалкое существованіе: ликвидація ея дѣлъ и уступка ея территоріи казались естественной развязкою. Но, не входя въ подробности этой трансакціи, не разсматривая насколько она дѣйствительно была неизбежна, я ограничусь сопоставленіемъ фактическихъ ея результатовъ для обѣихъ сторонъ. Территорія въ 577,390 англійскихъ квадратныхъ миляхъ (или 1 миллионъ 495 тысячъ 380 квадратныхъ километровъ) была уступлена за 7,000,000 рублей; сумма эта, впрочемъ, была уплачена не деньгами, а оставшимися у Соединенныхъ Штатовъ, изъ эпохи междоусобной войны непущеными, военными судами. Передача была совершена, сколько я знаю, въ 1866 г., а въ 1868 г., федеральное правительство въ своемъ отчетѣ конгрессу Соединенныхъ Штатовъ выставило 7,000,000 долларовъ, какъ сумму чистаго дохода, полученнаго за первый годъ владѣнія по-

вой территоріей; въ 70-хъ годахъ, доходъ этотъ колебался между 8 и 10 миллионами долларовъ, бывшіе же американскіе корабли догнивали въ кронштадтскомъ портѣ.

Менѣе ясно значеніе уступокъ курильскихъ острововъ Японіи, за признаніе этой державою нашихъ правъ на уже находившіяся въ нашемъ владѣніи островъ Сахалинъ. Время покажетъ, возможно ли на Сахалинѣ развитіе русской колонизаціи, которое утвердило бы за нами владѣніе берегомъ Тихаго океана; пока ощутительны только послѣдствія открытія японскимъ судамъ, а подъ ихъ флагомъ, и американскимъ и англійскимъ, входа въ закрытое до тѣхъ поръ Охотское море: русскіе рыболовы почти прекратили тамъ свои промыслы.

Въ 1873 г., въ видахъ успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англии, возбужденнаго нашими приготвленіями къ походу на Хиву, русское правительство заранѣе отказалось отъ естественнаго результата похода — присоединенія ханства; въ тоже время, оно признало Бадакшанъ и Ваханъ, два ханства, географически и политически принадлежащіа къ Туркестану, нераздѣльною частью Афганистана. Русская, и особенно московская пресса, обходившая молчаніемъ многіе вопросы, въ которыхъ были затронуты серьезныя интересы Россіи, съ жаромъ протестовала противъ уступокъ, сдѣланныхъ въ Средней Азіи. Послѣдствія показали, что эти уступки принесли столь же мало вреда Россіи, какъ и пользы Англии; именно въ Средней Азіи, русская территорія расширилась даже болѣе, чѣмъ бы это было желательнымъ.

Европейская политика прошлаго царствованія была преимущественно пассивною; содѣйствіе нами оказываемое нашимъ союзникамъ было только косвенное и не стоило намъ жертвъ ни людьми, ни деньгами. Содѣйствіе это тѣмъ не менѣе было чрезвычайно могущественно и оказывало каждый разъ рѣшительное вліяніе на исходъ борьбы. Такимъ образомъ, хотя мы и не сдѣлали, 1856—1876 гг., ни одного прямого подарка территоріи, мы способствовали, однако, всѣмъ увеличеніямъ государствъ за этотъ періодъ времени. Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи, всей Италіи къ Сардиніи, присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна и мелкихъ германскихъ государствъ къ Пруссіи, возстановленіе германской имперіи и присоединеніе къ пей Эльзаса-Лотарингіи, — имѣли мѣсто только потому, что *мы* этого желали и *мы* этому содѣйствовали. Если бы требовалось доказать такой очевидной истинны, то ихъ легко можно найти въ заявленіяхъ императора Вильгельма и особенно въ знаменитой телеграммѣ къ императору Александру II, посланной изъ Версаля тотчасъ по заключеніи мира: „Послѣ всемогущаго Бога, В. В. сдѣлали наиболѣе для недопущенія развитія войны дальѣе ея необходимыхъ предѣловъ“, — т. е. для обезпеченія за Германіей побѣды надъ Франціей и пользованія всѣми ея плодами.

Вознагражденіемъ Россіи должно было служить безпрепятственное рѣшеніе Во-

сточнаго вопроса. Мы не могли при этом ожидать приобретения, так как сами заранее отказались от их возможности, но прямые издержки войны были отчасти оплачены уступленными нам в замѣнъ территоріями, отчасти же составляютъ предметъ нашихъ законныхъ требованій отъ Турціи, отъ которыхъ мы до сихъ еще поръ не отказались.

Но послѣдняя война не обошлась безъ того, чтобы нами не было сдѣлано подарка, и *этотъ подарокъ*, я смѣю утверждать, *всѣмъ намъ*, дипломатамъ и не дипломатамъ *лежитъ всею тяжестью на душѣ*. Мы не подарили, правда, ни клочка собственной земли, но поднесли въ даръ именно ту землю, которую изыскавъ освобождаютъ!...

Это недавнее воспоминаніе невольно вызываетъ мысли и чувства, совершенно выходящія изъ рамки сухого перечня территоріальныхъ подарковъ, сдѣланныхъ нами за послѣдніе полтора вѣка, — который долженъ былъ бы быть исключительнымъ предметомъ этого письма. Увлекаюсь приверженностію къ отвѣченнымъ принципамъ и увлекаюсь еще болѣе личными симпатіями и антипатіями, наши правители дарили значительныя территоріи, собственныя и чужія, почти вѣкъ главнымъ государствамъ Европы и нѣкоторымъ Азіи и Америки, но такого подарка еще не дѣлали никогда! Прошло уже 3 года, а любопытство всѣхъ и каждого въ Россіи, желаніе знать — какъ и отчего это случилось — остается также живо, какъ и въ первый день по полученіи этого извѣстія. Удовлетвореніе этого естественнаго, законнаго чувства желательнѣе было бы въ самой полной степени, а оно возможно только предавленіемъ совершенной гласности всѣхъ обстоятельствъ этого событія. Можетъ быть такимъ образомъ будетъ доказана его необходимость при данныхъ политическихъ условіяхъ, и разъясненіе подѣйствуетъ успокоительно на многочисленную часть общества, считающаго подарокъ Босніи и Герцеговины Австріи несогласнымъ ни съ интересами, ни съ честью Россіи. Въ противномъ случаѣ не слѣдуетъ ли изыскать по крайней мѣрѣ всѣ мирныя средства для уменьшенія бѣдствій нами причиненныхъ и противъ насъ вѣдоющихъ?

Совершенно иной характеръ имѣетъ задача Китаю Кульджи, 10 лѣтъ остававшейся въ нашемъ фактическомъ владѣніи. Чтобы взвѣсить всѣ доводы за и противъ этого рѣшенія, нужно не только дать себѣ ясный отчетъ въ стратегическомъ и коммерческомъ значеніи Кульджи, но и въ относителныхъ силахъ и средствахъ, которыми могли располагать, въ случаѣ вооруженной борьбы, Россія и Китай; нужно также знать и внутреннее состояніе обоихъ государствъ, равно какъ и отношеніе къ нимъ другихъ націй. Что до меня касается, то я не рѣшаюсь произнести сужденія объ этомъ фактѣ, который составляетъ для насъ несомнѣнную утрату, но не можетъ быть зачисленъ въ рядъ подарковъ.

Впрочемъ сознательный, намѣренный подарокъ можетъ свидѣтельствовать о безкорыстіи, великодушіи, дружбѣ, мотивахъ, конечно, болѣе свойственныхъ частной жизни, чѣмъ государственной, но понятныхъ при извѣстной формѣ правленія; *что* показываетъ, однако, предоставленіе иностранныхъ правительствамъ безпрепятственно распоряжаться на нашей территоріи или присваивать ее себѣ, не спрашивая нашего согласія и, позволенія? Есть ли это сосредоточенность на болѣе важныхъ дѣлахъ невниманіе ли или невѣдѣніе?

Необитаемые острова обыкновенно считаются собственностію государства, близъ территоріи котораго они находятся или того, граждане котораго первые открыли эти острова или водрузили на нихъ національный флагъ. Острова сѣвернаго океана близъ береговъ европейской или азіатской Россіи, считались всегда русской территоріей, какъ по ихъ территоріальному положенію, такъ и потому, что они были всѣ и каждый открыты и описаны русскими мореплавателями. Наше правительство до такой степени держалось этого мнѣнія, что никогда не соглашалось на устройство Швеціей обсерваторіи или даже малковъ на островѣ Шпицбергенѣ, хотя этотъ островъ ближе къ шведскимъ островамъ, чѣмъ къ русскимъ, — только на основаніи того, что онъ былъ открытъ русской экспедиціей подъ начальствомъ Баренца. Во все прошлое царствованіе, столичный кабинетъ постоянно добивался позволенія занять хоть одинъ пунктъ Шпицбергена для „ученыхъ изслѣдованій“. По послѣднемъ извѣстіямъ, Швецы наконецъ выбрали желаемый пунктъ на островѣ и начали на немъ устраиваться, какъ кажется, если не съ согласія, то съ вѣдѣній петербургскаго правительства. Это конечно новый подарокъ, первый въ настоящее царствованіе, но уже *не послѣдній*.

Канадская пресса очень жалуется на занятіе Соединенными Штатами Врангеля, на которомъ будто бы уже развѣвался флагъ Канады; нью-йоркскіе журналы оспариваютъ это мнѣніе и доказываютъ, что этотъ островъ уже давно принадлежитъ сѣвероамериканской республикѣ. Дѣло идетъ о такой мало извѣстной мѣстности, что неудивительно, если наши газеты не обратили вниманія на возникшій споръ, но было бы странно если бы онъ ускользнулъ и отъ нашей дипломатіи. На тотъ случай, что это дѣйствительно такъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о предметѣ канадско-американскаго спора. Врангеля — ничто иное какъ островъ Врангелева земля, открытый русскимъ мореплавателемъ Врангелемъ въ 1823 г. и лежащій близъ береговъ Восточной Сибири; островъ до такой степени принадлежитъ географически къ континенту, что часть моря, раздѣляющая ихъ называется Длиннымъ проливомъ. Положеніе его на далекомъ сѣверѣ, 70—75° сѣв. шир., дѣлаетъ его мало способнымъ для постоянной жизни человека, хотя нужно замѣтить, что г. Гаммерфестъ лежитъ сѣвернѣе 70°, также какъ и многія поселенія въ Гренландіи (вплоть до 75°), и что именно въ этомъ году, наше правительство производило опыты колонизаціи Новой Земли, которая лежитъ между 71 и 77°. Можно было думать, что Врангелева Земля находится въ худшихъ условіяхъ, нежели другія мѣстности той же широты, но описанія канадскихъ и англійскихъ газетъ лишаютъ насъ и этой иллюзіи: Врангелева Земля весьма важный пунктъ для китолововъ, особенно по ея близости къ Восточному Океану; американцы намѣреваются устроить тамъ постоянное поселеніе, которое имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться столь же важнымъ центромъ китоловства и рыбопромышленности, а также и торговли, какъ и Гаммерфестъ.

Я говорю о Врангеляхъ не изъ географическаго педантизма. Я думаю вообще о судьбѣ нашихъ морей.

Балтійское и Черное — моря закрытыя и выходъ изъ нихъ въ чужихъ рукахъ. На Восточномъ океанѣ у насъ владѣнія, ожидающія еще своего населенія, тогда какъ по сосѣдству Китай и Японія переполнены жителями. Сѣверный океанъ вдоль береговъ архангельской губерніи и всей Сибири — нашъ, и только нашъ; другое названіе его — Ледовитый океанъ всего менѣе должно устрашать насъ жителей Сѣвера, особенно когда мы видимъ, что народы болѣе южные соперничаютъ въ стремленіи къ пользованію его богатствами.

Вотъ почему я желаю бы надѣяться, что эти соображенія представятся и умъ нашихъ правителей и что будутъ приняты мѣры для обезпеченія за Россіей того, что ей безспорно принадлежитъ и что имѣетъ для нее большее значеніе, чѣмъ для какой либо страны.

Я закончилъ перечень „подарковъ“ и желаю только одного — чтобы онъ былъ дѣйствительно законченъ навсегда. Указаніе на лучшее средство для достиженія этого можно почерпнуть изъ отвѣта шведскаго правительства нашему по вопросу о Врангелѣ: въ самомъ дѣлѣ, представители страны никогда не согласятся на такую уступку территоріи, которая была бы ничѣмъ инымъ какъ подаркомъ.

Прошу принять увѣреніе и пр.

Бывшій дипломатъ.

## КЪ ТОВАРИЩАМЪ РУССКИМЪ СОЦИАЛИСТАМЪ!

Во второй половинѣ 19-го столѣтія, благодаря научнымъ изслѣдованіямъ, социализмъ, какъ идея, вышедши изъ области утопій и метафизики, сдѣлался положительной, наиболее прогрессивной и справедливой общественной теоріей.

Въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ онъ служитъ выраженіемъ экономическихъ противурѣчій, скрывающихся въ самихъ основахъ капиталистическаго строя. Въ практической жизни онъ явился результатомъ исторической борьбы классовъ, длившейся цѣлые вѣка, вслѣдствіе антагонизма ихъ интересовъ.



Борьба эта ведется сегодня во всех цивилизованных обществах старого и нового света, т. е. везде, где экономическо-историческое развитие общественного строя вызывает ее к жизни. — По природе своей она космополитична и интернациональна, соответственно строго космополитическому характеру эксплуатации трудящихся масс.

Эпохой в новейшем фазисе этой борьбы было основание Международного Общества Рабочих, явившееся последствием твердо сознательной необходимости более тесной и объединенной организации всемирного пролетариата.

Сила сознательного элемента, вносимого рабочими в их стремления к осуществлению более рационального строя общества, а стало быть и сам успех борьбы, обуславливается с одной стороны экономическим развитием общества, а с другой существованием определенных политических условий, которые на Западе Европы предоставляют пролетариату относительную свободу ко все более и более широкому распространению социалистических идей среди рабочих масс и к организации их борющихся сил во имя их классовых интересов.

На Западе, благодаря этим условиям, рабочее движение выразилось уже целым рядом событий, записанных в истории борьбы труда с капиталом, и сегодня оно проявляется в сплавивании все более тесном эксплуатации класса, как на почве экономической борьбы, так и в сфере внутренней политической жизни, и таким образом интернациональная организация рабочих является противоборством сплоченным рядом космополитической буржуазии.

У нас сознательная борьба трудящихся классов с представителями монополии выступила на сцену гораздо позже, благодаря с одной стороны более позднему развитию капиталистических форм производства, а с другой вследствие крайне незначительной доли политической свободы в двух частях Польши (Прусской и Австрийской) и полного их отсутствия в Русской Польше.

Отсутствие политической свободы в данный момент является в России вопросом весьма важным, в разрешении которого, как инициативу, так и всю тяжесть борьбы, заявившей себя целым рядом террористических фактов, приписали на себя наши товарищи, русские социалсты.

Выходя из той точки зрения, что главная, основная практическая задача социалстов, как на Западе, так и на Востоке, в пределах Российского государства, есть распространение в трудящихся массах мимимума социалистического сознания и самостоятельная организация их сил во имя их классовых интересов, мы не можем оставлять indifferentным к вопросу поставленному на очереди русскими социалистами. Игнорирование нами этого вопроса было бы беспоследо-

вательностью с нашей стороны по 2-му причинам: во 1-х потому, что отсутствие политической свободы в России крайне затрудняет деятельность социалистическую, низводя самую энергическую усилия до незначительных на практике результатов; во 2-х потому, что для нас поляков социалстов они имеют специальное значение, по своей связи с так называемым национальным польским вопросом или точнее говоря с вопросом о „политической независимости Польши“.

Польский вопрос был когда-то громким и весьма популярным за пределами страны, на Западе Европы, а внутри страны он проявился целым рядом национальных возмущений, имевших целью государственную реконструкцию Польши. Сегодня, благодаря социально-экономическому и исторически-культурному развитию польского общества, вопрос этот потерял свое жизненное значение, оставляя лишь безосознательные национальные традиции среди некоторых слоев городского населения, которыми как орудием против социализма пользуются вполне сознательно наши ближайшие враги: реакционная шляхта и анти-радикальная польская буржуазия.

Эти привилегированные классы, принявши *status quo* в 3-х частях нашей страны, после 63-го года вполне отказались от борьбы за „независимость Польши“, во имя своих экономических интересов. „Национальный польский“ вопрос вычеркнули из их рабски-политической программы. От времени до времени поднимается он ими, равно как и их прессой с целью противодействия социалистической агитации.

Что же касается крестьян, которые средним числом составляют около 70 % всего населения в 3-х частях Польши, то мы должны констатировать только тот факт, что масса крестьян, за весьма редкими и незначительными исключениями, выступала всегда враждебно против возмущений за национальную независимость Польши. Доказательством этому служат возмущения 1831 и 63 гг. и тот факт, что крестьянские движения, как напр. в Галиции в 46 г. и в Познани 48 г. имели, при отсутствии национальных требований, преимущественно экономический характер.

В настоящее же время, благодаря тому, что освобождение крестьян от крепостной зависимости было совершенно правительствами завоевателями, а не привилегированными классами Польши, крестьяне сближались тем большими противниками национализма, соединяя понятия о национальных движениях с враждой к своим экономическим угнетателям. Поднять эту многочисленную массу польского населения можно лишь во имя экономических требований.

Для нас социалстов, национальный вопрос по принципу своему, ничего общего с социализмом не имеет, а так

как он в своей практической жизни основывается на единстве и солидарности классов, то может для нас иметь лишь отрицательное значение, служа препятствием к развитию социалистического сознания среди рабочих масс и принося вред интересам свободы вообще.

Резюмируя все вышесказанное,

а) Социализм у нас, как и везде — вопрос экономический, не имеющий ничего общего с вопросом национальным, и проявляющийся на практике в борьбе классов.

б) Залогом успеха в этой борьбе и будущего торжества пролетариата в социальной революции служить развитие мимимума социалистического сознания среди рабочих масс и их организация, как класса, на почве их классовых интересов.

в) Для осуществления этих задач необходима политическая свобода, отсутствие которой в России представляет громадные препятствия для массовой организации рабочего класса.

Дальше, согласно решению бывшей группы „Równosc“, принятому на основании переговоров с русскими товарищами в прошедшем году, а именно, что:

а) на характер социально-революционной организации влияют исключительно обще-экономические интересы и политические условия.

б) что организация социал. партий может совершаться на основании условий экономических с одной и фактически существующих государственно-политических с другой, причем этнографические границы национальности никак не могут служить базисом для организации,

и что в) следовательно польская социал. партия, как нечто целое, существовать не может, а могут быть только польские социал. группы в России, Австрии и Германии, которые, сообщаясь с социал. организациями иных национальностей в данном государстве, создают органический союз, что не может им мешать входить в связи, как между собой так и с другими социалистическими организациями.

Руководствуясь, наконец, теми соображениями,

что а) успех террористической борьбы за политическую свободу обуславливается содействием солидарно организованных рабочих масс различных национальностей в пределах русского государства,

что б) при борьбе за политическую свободу в границах русского государства, постановка польского политическо-национального вопроса может быть только вредной этой борьбе, а следовательно, и интересам трудящегося класса.

Мы в виду всех выше сказанных соображений приходим к следующему заключению:

I. Необходимо сформировать одну общую социалистическую партию, в состав которой вошли бы социалистические организации различных на-

ціональностей въ предѣлахъ Русскаго государства.

- II. Необходимо, чтобы организациі, борющіяся до сихъ поръ отдѣльно на экономической и политической почвѣ, слились вмѣстѣ для общаго союзнаго дѣйствія.
- III. Необходимо выработать общую политическую программу для всѣхъ социалистовъ, дѣйствующихъ въ Русскомъ государствѣ, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала высказаннымъ нами требованіямъ.

Товарищи, русскіе социалисты! Излагая наши взгляды на условія социально-политической борьбы въ Россіи, мы обращаемся къ вамъ съ предложеніемъ выработать общей программы.

Мы твердо убѣждены, что тѣсный союзъ социально-революціонныхъ силъ въ границахъ Россіи не только въ данное время увеличитъ интенсивность этихъ силъ въ борьбѣ съ нашими общими врагами, но и служить еще гарантіей отъ всякихъ стремленій, эскамотировать въ свою пользу результаты нашего движенія.

Подобная постановка вопроса вызоветъ массу обвиненій: васъ — въ русскомъ центризмѣ, насъ — въ измѣнѣ польскимъ національнымъ традиціямъ.

Мы увѣрены, что ввиду всей важности задачъ и трудности предстоящей намъ борьбы, обвиненія эти не будутъ имѣть никакого вліянія на наши общія усилія.

Прошло время сепаратизма и традиціонныхъ ненавистей. Общая цѣль должна соединить насъ тѣсно въ предстоящей борьбѣ. Время и практика покажутъ справедливость нашихъ убѣжденій.

Женева 3 Нолбря 1881 г.

Группа бывшихъ членовъ „Równość“ и редакціи соц. журнала „Przedświt“.

## ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

### IX.

Стачки рабочихъ во Франціи. Усиленіе организационной дѣятельности въ средѣ пролетаріата подѣ влияніемъ этихъ стачекъ. Отношеніе къ нимъ «рабочей партіи».

Национальный конгрессъ «рабочей партіи Франціи» въ Реймсѣ, начавшійся 30 октября, и результаты выборовъ 27 октября въ Германіи естественно привлекаютъ къ себѣ вниманіе значительной части пролетаріата Западной Европы и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Промышленный пролетаріатъ Франціи сохраняетъ до сихъ поръ значеніе революціоннаго авангарда въ средѣ цивилизованнаго человѣчества, и неудивительно, поэтому, что взоры наиболѣе сознательной части рабочихъ передовыхъ странъ устремлены на каждый шагъ, свѣдѣтельствующій о поступательномъ движеніи социалистическихъ элементовъ Франціи. Германская социалистическо-демократиче-

ская партія также стумѣла въ теченіи послѣдняго десятилѣтія своей усиленной агитаціей и значительными успѣхами въ дѣлѣ революціонизированія рабочихъ массъ Германіи приобрѣсти уваженіе и даже сильное вліяніе на рабочія партіи Бельгіи, Даниі, Голландіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Сѣверной Америки и Португаліи, а до извѣстной степени и самой Франціи. Естественно, что выборы 27 октября, происходившіе при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, получаютъ въ глазахъ социалистическаго пролетаріата всѣхъ странъ особенное значеніе, какъ особенный моментъ для манифестированія силъ германской социальной демократіи. Наконецъ, выборы въ германскій рейхстагъ должны были по страстному желанію Бисмарка и его сподвижниковъ явиться своего рода орудіемъ для водворенія первобытнаго абсолютизма съ его дворянско-клерикальнымъ хвостомъ. Съ этой точки зрѣнія избирательная борьба въ Германіи получаетъ первостепенное значеніе не только для социалистовъ, но и вообще для всѣхъ элементовъ, жизненные интересы которыхъ тѣсно связаны съ экономическими и политическими учрежденіями и умышленными завоеваніями такъ называемой эпохи либерализма. Тѣмъ не менѣе, въ виду неполноты и отрывочности свѣдѣній о результатахъ избирательной борьбы 27 октября, мы воздержимся отъ ихъ оцѣнки до окончанія перебаллотировокъ, которыя состоятся вѣроятно дней черезъ десять. Пока, несомнѣнно только одно: партія Бисмарка потерпѣла крупное пораженіе, не смотря на всѣ насилие и до омерзѣнія нечистоплотныя средства, пущенныя ею въ ходъ противъ своихъ противниковъ.

Еще меньше можемъ мы говорить въ этомъ письмѣ о социалистическомъ конгрессѣ въ Реймсѣ, такъ-какъ о ходѣ его засѣданій до настоящей минуты ничего не появилось въ газетахъ. Но во Франціи происходитъ теперь рядъ иного рода проявленій социального антагонизма, проявленій хотя и не рѣзко *принципально* социалистическаго характера и не на столько громкихъ, чтобы сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе европейско-американскаго пролетаріата, но тѣмъ не менѣе въ основѣ своей глубоко революціонныхъ и крайне важныхъ по *непосредственному* активному участию въ нихъ самой массы пролетаріата. Мы не подразумеваемъ здѣсь парижскихъ и провинціальныхъ народныхъ митинговъ, протестовавшихъ противъ Тунисской войны. Объ этихъ митингахъ подробно сообщалось и въ нашихъ легальныхъ газетахъ. Вышняя обстановка и непосредственное отношеніе этихъ протестовъ къ событію, въ развитіи и исходѣ котораго заинтересовано все общество съ дипломатами во главѣ, естественно привлекаютъ къ нимъ вниманіе всей прессы, не исключая и реакціонной. Мы съ своей стороны отмѣтимъ только, что въ этихъ митингахъ до очевидности проявляется высокій уровень общественно-политическихъ тенденцій социалистическаго пролетаріата, тенденцій направленныхъ не только къ обезпеченію матеріальнаго благосостоянія одного ка-

кого нибудь класса, а и къ обезпеченію всесторонняго прогресса на почвѣ *общечеловѣческой* солидарности. Уже лѣтомъ социалистическая партія Франціи выступила съ протестомъ противъ войны тунисской, мотивируя его принципиальными соображеніями. Въ многочисленномъ Монъ-Мартскомъ собраніи (кажется въ концѣ іюля) Лафаргъ заявилъ, при всеобщемъ одобреніи, что лозунгомъ пролетаріата должны быть: междупародный миръ, подготовленіе рабочаго класса къ революціонной войнѣ противъ капиталистовъ всѣхъ націй и братскій союзъ пролетаріата Америки и Европы. Но, какъ мы уже сказали, не объ этого рода проявленіяхъ движенія пролетаріата намѣреши мы на этотъ разъ бесѣдовать съ читателями. Во Франціи совершается теперь рядъ стачекъ. Тутъ уже борьба труда и капитала происходитъ на непосредственно эконоимической почвѣ, хозяева и рабочая масса сталкиваются въ своемъ антагонизмѣ лицомъ къ лицу, и никакими софизмами не возможно въ эти моменты опровергнуть необходимость для эксплуатируемыхъ массъ организоваться въ самостоятельную общественную силу для отстаиванія своихъ интересовъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы стачки происходятъ въ разныхъ городахъ Франціи и въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда. Въ одномъ Парижѣ стачкились плотники, мебельщики, фортепьянщики, рабочіе нѣкоторыхъ отраслей переплетнаго и токарнаго ремесла и рабочіе одной фабрики хрустальной посуды. Далѣе, въ Марселѣ стачка каменотесовъ, токарей, а въ началѣ октября сообщалось о стачкѣ прачекъ въ томъ же городѣ. По газетнымъ свѣдѣніямъ (Le Citoyen Français, Justice Proletaire) многочисленныя стачки возникли въ послѣднее время, а въ большинствѣ случаевъ еще и теперь продолжаются, въ Лионѣ, Бордо, Турѣ, Гаврѣ, Руанѣ, Э (Аix) и Вилле-Франшѣ. Помимо перечисленныхъ ремеселъ стачкой охвачены были въ нѣкоторыхъ мастерскихъ: бочары, канатники (corderie), котельники, литейники, красильщики, механики (одной отрасли — mouleur), извозчики,ழுументчики, ткачи и кожевники.

Нашъ списокъ ничуть не можетъ претендовать на полноту. Мы перечислили названія только тѣхъ ремеселъ и городовъ, о возникновеніи и ходѣ стачекъ которыхъ чаще сообщалось въ газетахъ. Нѣкоторые изъ этихъ стачекъ продолжаются уже цѣлые мѣсяцы, какъ напримѣръ, плотниковъ въ Парижѣ. Последняя послужила въ особенности импульсомъ для агитаціи рабочей партіи среди массы и сдѣлалась какъ бы исходнымъ пунктомъ многихъ другихъ стачекъ въ Парижѣ, толкнувшихъ въ свою очередь массу болѣе или менѣе индифферентныхъ рабочихъ на путь организациі ихъ по ремесламъ и установленія взаимной федерациі между союзами разныхъ отраслей труда. Причина такого вліянія стачки плотниковъ на общее настроеніе рабочихъ заключается, на сколько можно судить по газетамъ, главнымъ образомъ въ безусловно враждебномъ поведеніи хозяевъ во всѣхъ отрасляхъ строительнаго производства по отношенію къ стачкующимъ рабочимъ. Хо-

слева образовали обширную коалицию, въ которую вступили и архитектора и надсмотрщики мастерскихъ. Цѣль коалиціи, конечно, противодействовать всѣми способами организаціи сборовъ въ пользу стачечниковъ среди рабочихъ рождественскихъ запятій (каменщиковъ, маляровъ, столяровъ и т. д.) и особенно въ плотничьихъ мастерскихъ, гдѣ стачка еще не объявлена. Разумѣется, коалиція должна была дѣйствовать запугивающимъ образомъ на болѣе боязливыхъ и такимъ путемъ противодействовать распространенію стачки на всѣ плотничьи мастерскія, а въ особенности на другія отрасли строительнаго дѣла. Результатъ вышелъ, однако, какъ разъ противоположный тому, на какой надѣялись хозяева. Поведеніе хозяевъ вызвало такое негодованіе среди плотниковъ, что къ стачкѣ пристали и тѣ мастерскія, которыя вначалѣ держали себя болѣе или менѣе нейтрально. Мало того, чувство классовой солидарности пробудилось съ особою силой въ рабочихъ по постройкамъ вообще и на ихъ собраніи (9 октября), специально созванномъ для обсужденія мѣропріятій противъ поведенія хозяевъ и въ которомъ присутствовало 2500 человекъ, приняты резолюціи для солидарной поддержки стачечниковъ, и кромѣ того слѣдующія два рѣшенія: 1) Образовать тѣсную федерацію изъ рабочихъ обществъ всѣхъ отраслей труда, примыкающихъ къ строительному запятію (*batiment*), какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи; 2) созвать въ 1882 г. (вѣроятно въ началѣ) въ Парижѣ конгрессъ отъ рабочихъ по постройкамъ всей Франціи.

Для осуществленія этихъ резолюцій и для организаціи матеріальной поддержки стачечникамъ со стороны корпораціи рабочихъ по постройкамъ вообще назначена особая „иниціативная коммисія“, которая по виду уже дѣлательно принялась за выполненіе возложенной на нее миссіи. Въ № 160 „*Proletaire*“ (22 окт.) коммисія эта обращается съ воззваніемъ „къ рабочимъ строительнаго запятія Парижа и Франціи“, въ которомъ приглашаетъ ихъ присоединиться къ резолюціямъ собранія 9 октября, и специально къ относящейся до созванія національнаго конгресса своей корпораціи. „Чтобы противодействовать этой организаціи капитала \*) противъ труда“, говорится въ этомъ воззваніи, собраніе 9 октября рѣшило предложить всѣмъ группамъ и ремесленнымъ обществамъ всѣхъ отраслей строительнаго запятія во Франціи присоединиться къ намъ“ и пригласить своихъ делегатовъ на національный конгрессъ рабочихъ по постройкамъ, имѣющихъ быть въ 1882 г. въ Парижѣ. На этомъ конгрессѣ мы докажемъ справедливость нашихъ требованій и опровергнемъ инсинуаціи патроновъ. „Мы должны требовать и даже заставить нашихъ уполномоченныхъ (депутатовъ парламента и муниципальных советниковъ) держаться данныхъ ими обѣщаній, заниматься экономическими вопросами; необходимо, чтобы ежегодно специальная избранныя коммисія устанавливала норму

заработной платы соответственно „мѣстнымъ цѣнамъ на средства существованія и найма квартиръ“. „Не забудемъ, что отъ успѣха нашихъ друзей плотниковъ и плотничковъ въ Парижѣ зависитъ торжество нашихъ справедливыхъ требованій“, (т. е. рабочихъ всей Франціи и всѣхъ отраслей строительнаго запятія).

Въ тоже время вопросъ объ организаціи систематической поддержки стачечниковъ выступилъ на очереди и въ союзахъ двухъ отраслей труда и даже въ средѣ „рабочей партіи“, специальная задача которой принципиальная социалистическая пропаганда и агитация, и организація пролетаріата для политической борьбы. „*Union fédérative*“ — одна изъ вѣтвей рабочей партіи — назначила въ началѣ октября специальную „коммисію для стачекъ“, задача которой — войти въ сношеніе со стачечниками разныхъ ремеселъ, узнать мотивы ихъ столкновенія съ хозяевами, доставить имъ моральную и матеріальную поддержку, учредить кассу вспоможеній, разсылать подписные листы во всѣ мастерскія, дѣлать сборы во всѣхъ собраніяхъ и организовать конференціи въ пользу стачечниковъ. Назначеніе этой коммисіи изъ своей среды „*Union féd.*“ мотивируется между прочимъ тѣмъ, „что если ея задача состоитъ въ преслѣдованіи экономической эмансипаціи рабочихъ, которая можетъ быть только результатомъ уничтоженія патроната, посредствомъ организаціи ихъ въ рабочую партію, „*Union fédérative*“ имѣетъ другую обязанность, не менѣе настоятельную, а именно принимать участіе въ мелкихъ стычкахъ, — этихъ прелюдій окончательной битвы — которыя происходятъ выдерживать корпораціямъ, ремесленнымъ обществамъ и т. п. противъ своихъ эксплуататоровъ ради повышенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня“.

Наконецъ, стачка парижскихъ плотниковъ вызвала сочувствіе и въ средѣ не очень идеально настроенныхъ англійскихъ рабочихъ. Союзъ плотниковъ и столяровъ Англии извѣстилъ своихъ сотоварищей въ Парижѣ о своемъ рѣшеніи прислать имъ финансовую поддержку.

Какъ мы уже выше сказали, рядомъ со стачкою плотниковъ, а отчасти подъ ея влияніемъ, возникли въ Парижѣ многія другія стачки, также усилившія организаціонную дѣятельность рабочихъ. Образовались новыя ремесленные общества, между прочимъ союзъ бочаровъ и служителей при магазинахъ. Въ № 32 „*Citoyen français*“ напечатаны его статуты. На нихъ отражаются явные слѣды социалистическихъ тенденцій, хотя непосредственная цѣль союза — бороться за частныя улучшенія быта рабочихъ. „Цѣль общества, сказано въ § 3, состоитъ въ водвореніи среди всѣхъ членовъ корпораціи (т. е. всего ремесла) великихъ принциповъ справедливости и солидарности; въ удерживаніи зараб. платы на высотѣ, соответствующей цѣнамъ на предметы необходимости вообще, чтобы достойно удовлетворить потребностямъ семьи; въ изученіи экономическихъ и социальныхъ вопросовъ...“ Организація построена на строго федеративныхъ началахъ: она распа-

дается на автономныя секціи, соответственно числу специальностей, на которыя подраздѣляется эта отрасль производства. Общей связью между ними служитъ „федеративная коммисія“, состоящая изъ выборныхъ отъ всѣхъ секцій и контролируемая общими собраніями членовъ, имѣющими мѣсто каждые 3 мѣсяца. Запрещается сосредоточеніе многихъ функций въ рукахъ одного лица. Свои проекты, какъ и предложенія отдѣльных секцій, федеративная коммисія подвергаетъ общему голосованію всѣхъ вѣтвей общества.

Какъ иллюстрація къ поведенію хозяевъ въ столкновеніяхъ съ пролетаріатомъ могутъ служить слѣдующіе факты. Въ Турѣ фабриканты въ отвѣтъ на требованія рабочихъ (позументщиковъ) вывѣсили объявленіе, что обязываются не принимать къ себѣ рабочаго иначе, какъ при представленіи свидѣтельства о поведеніи отъ предыдущаго хозяина. Въ Марселѣ хозяева каменотесовъ отказали отъ работы всѣмъ членамъ ремесленной организаціи, а въ Парижѣ была арестована депутація фортепьянщиковъ при своемъ появленіи у одного фабриканта, которому она должна была представить выработанный корпораціей тарифъ. Разумѣется, рабочіе тотчасъ оставили мастерскія этого фабриканта, возмущенные его поведеніемъ относительно депутацій \*). Въ Сентъ-Дени фабрикантъ прогналъ рабочаго, состоящаго членомъ социалистическаго избирательнаго комитета. Подобные же отказы отъ работы случились и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Ангулемѣ за участіе на одномъ изъ рабочихъ конгрессовъ.

Къ сожалѣнію, сообщенія о столкновеніяхъ пролетаріата и буржуазіи на экономической почвѣ слишкомъ отрывочны, чтобы на основаніи ихъ можно было составить полную картину проявленій антогонизма двухъ главныхъ общественныхъ классовъ во Франціи, а тѣмъ болѣе придти къ точнымъ выводамъ специально относительно ближайшихъ причинъ и общественно-политическаго значенія обилья стачекъ въ этой странѣ въ данную минуту. На сколько, однако, можно судить по газетнымъ отчетамъ о нихъ, онѣ не повсюду вызываются чрезмерно низкой заработной платой, хотя въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мотивируются несоответственностью уровня послѣдней съ возросшими цѣнами на предметы первой необходимости. За исключеніемъ прачекъ въ Марселѣ и переплетчицъ въ Парижѣ, стачечники требуютъ въ большинствѣ случаевъ *минимума* въ 5 фр. за десятичасовой рабочий день, а въ нѣкоторыхъ 6 и даже 8 фр. — цифры свидѣтельствующія, что и теперешняя плата не очень низка сравнительно съ высотой ея въ Ирландіи и даже въ Швейцаріи и Германіи. Этотъ рядъ почти одновременно повсюду возникающихъ стачекъ свидѣлствуетъ несомнѣнно о высокомъ уровнѣ потребностей французскихъ рабочихъ и вызывается общимъ ихъ настроеніемъ, про-

\*) Упомянутая коалиція хозяевъ въ строительномъ запятіи.

\*) До того времени онѣ не принимали участія въ стачкѣ.

буждениемъ въ ихъ средѣ эмансипационныхъ стремлений послѣ періода реакціи и нѣкоторой придавленности въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ кроваваго подавленія парижской революціи 71 г. Въ этомъ отношеніи замѣтно большое сходство въ настроеніи французскаго пролетаріата теперь и во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Какъ тогда двигающей и объединяющей силой являлась французская федерація „Международнаго товарищества рабочихъ“, такъ теперь „рабочая партія“. И какъ тогда „интернаціоналъ“ пользовался стачками, какъ средствами для пробужденія рабочихъ массъ изъ состоянія индифферентизма къ сознательной и организованной борьбѣ за ихъ право на пользованіе матеріальными и умственными приобрѣтеніями новѣйшей культуры, такъ и теперь социалистическіе элементы, организованные въ „рабочую партію“, стремятся на почвѣ повседневной борьбы рабочихъ съ хозяевами поднять въ нихъ духъ солидарности и организовать ихъ въ силу, руководимую принципами социализма. Эта тенденція социалистической партіи Франціи ясно выражена въ вышецитированныхъ мотивахъ „Union fédérative“ при назначеніи изъ своей среды специальной „комиссіи для стачекъ“. На сколько успешны усилія коллективистовъ въ этомъ направленіи, это, какъ намъ кажется, обнаружится на конгрессѣ въ Реймсѣ, съотвѣтственно степеніи участія въ немъ ремесленныхъ обществъ и корпорацій.

### ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Боснякъ мусульманинъ о присоединеніи къ Австріи.

Намъ сообщаютъ изъ Ливно, въ Босніи, что тамошней общинѣ было на дняхъ предложено однимъ изъ присланныхъ для агитаціи австрійскихъ агентовъ, высказаться за присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи и подписать привезенный агентомъ готовый адресъ. При обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи представителей общины, одинъ боснякъ мусульманской вѣры сказалъ: „Мы турки (т. е. мусульмане) хотимъ султана, вы сербы (т. е. православные)—свое правительство, а Австріи не хочетъ никто; поэтому пусть (это предложеніе) будетъ отвергнуто“ \*). Такъ и было сдѣлано.

Предварительная цензура въ Австріи.

Намъ сообщаютъ изъ вѣрнаго источника, что газета „Српски Листъ у Приморју“,

\*) «Мы турки желаемъ султана, вы сербы желите вашу владу; а Австріи не жели нитко; зато да се одбац!».

издающаяся въ Задрѣ, по распоряженію далматскаго генераль-губернатора, подчинена *предварительной цензурѣ*; газетѣ еще прежде былъ запрещенъ ввозъ въ Боснію и Герцеговину. Предварительную цензуру предполагается примѣнить ко всемъ юго-славянскимъ газетамъ, но за исключеніемъ „Српског Листа“, только по отношенію къ извѣстіямъ изъ оккупированныхъ областей.

Лифляндцы въ Болгаріи.

Намъ пишутъ изъ Софіи, что начальникомъ санитарнаго вѣдомства въ Болгаріи назначенъ д-ръ Гришъ или Гиршъ (въ письмѣ имя написано неразборчиво) изъ Дерпта, который тотчасъ принялся замѣщать русскихъ врачей нѣмецкими изъ Лифляндіи, не обращая при этомъ даже вниманія—имѣютъ ли они докторскіе дипломы или нѣтъ.

Открытие памятника рядовому Архипу Осипову. 22 октября ст. ст. произошло въ Владикавказѣ открытіе памятника рядовому Архипу Осипову, украинцу, родомъ изъ крестьянъ кievской губерніи, липовецкаго уѣзда, села Каменки. Какъ извѣстно, этотъ герой эпохи войны съ горцами, въ 1840 г., при оборонѣ Михайловскаго укрѣпленія, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ спустился въ пороховой погребъ и взорвалъ его въ тотъ моментъ, когда неприятель толпами врвался въ укрѣпленіе, тѣлесно по слѣдамъ отступавшей по пороховому погребу горсти гарнизона изъ 30 человѣкъ. Памятникъ обошелся около 10 тыс. рублей, собранныхъ по подпискѣ между чинами Кавказской арміи. Это первый памятникъ въ Россіи, воздвигнутый личною доблестію простого человека.

Судъ за насиліе подъ видомъ вознагражденія за службу правительству. Черезъ три дня должно разсматриваться въ Сенатѣ дѣло б. мнѣскаго губернатора Токарева съ соучастниками: генераль-лейтенантомъ Лонкаревымъ, управляющимъ государственными имуществами Севастьяновымъ и исправникомъ Капгеромъ. Это возмутительное дѣло состоитъ въ томъ, что губернаторъ Токаревъ, воспользовавшись случаемъ вознаградить себя за неизвѣстныя заслуги передъ отечествомъ покупою въ Вѣлоруссіи имѣнія на льготныхъ основаніяхъ, по соглашенію съ мнѣскимъ управляющимъ государственными имуществами, забралъ себя въ собственность не конфискованную по-

мѣщицью, а крестьянскую землю, когда же крестьяне воспротивились такому насилію, то представилъ по начальству, будто крестьяне бунтуютъ противъ законныхъ распоряженій мѣстныхъ властей, послѣдствіемъ чего было сопровождавшееся обычными возмутительными безобразіями усмиреніе мнѣскаго бунта сначала неправникомъ Капгеромъ, а потомъ генераль-лейтенантомъ Лонкаревымъ.

Краковскій социалистическій процессъ и выдача Россіи эмигранта. На дняхъ въ Краковѣ былъ политическій процессъ. Обвинялись три социалиста-поляка въ составленіи тайнаго общества для „унипроверженія существующаго строя“ и т. д. Изъ нихъ Шмидгаузенъ и Домбровский приговорены къ тюремному заключенію до шести недѣль, такъ какъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ нельзя было противъ нихъ выставить. Весьма характерно, что процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ на томъ же основаніи, что во время суда могли быть произнесены оскорбительныя для вѣнцоосца-повелителя Австріи слова.

Еще характернѣе для политическихъ нравовъ современной „конституціонной“ Австріи слѣдующій эпизодъ этого процесса. Генрихъ Стояновскій, слесарь, бѣжавшій вслѣдствіе политическихъ преслѣдованій изъ русской Польшы и арестованный по поводу послѣдняго краковскаго процесса, выданъ былъ вѣнхомолку русскимъ властямъ. Къ суду его даже не привлекли. Это уже третій случай за послѣднее время выдачи Австріей политическихъ эмигрантовъ Россіи. Къ чему еще послѣ этого спеціальныя договоры о выдачѣ „политическихъ преступниковъ“, когда „конституціонныя“ самодержцы могутъ оказывать подобныя услуги Александру III и безъ официальныхъ договоровъ?

### ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ

въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG  
ВЪ ЖЕНЕВѢ

Книга М. ДРАГОМАНОВА:

НОВІ УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ

ПРО ГРОМАДСЬКІ СПРАВИ

(1764—1880).